

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 811.1/.8:81'33
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.18>

М. В. Каменский

ДИСКУРСНЫЕ МАРКЕРЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты исследования дискурсных маркеров как универсального когнитивного и функционального феномена дискурсивного взаимодействия с точки зрения теоретической концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия. Предпринята попытка анализа дискурсных маркеров как компонента концептуальной структуры дискурса с позиции тематического, субъектного, социокультурного, инструментального и интенционального принципов. Обоснование роли и статуса дискурсных маркеров в речевом взаимодействии как когнитивных доминант проведено на современном корпусном материале русского, английского, французского и японского языков как разносистемных и верифицировано на разнонаправленном речевом материале, репрезентирующем различные типы дискурса. Актуальность предпринятого исследования обосновывается практической целесообразностью и необходимостью дальнейшего развития когнитивных исследований дискурсных маркеров по траекториям, позволяющим обеспечить эффективную автоматизированную идентификацию дискурсных маркеров в разносистемных языках с применением эвристических методов и технологий искусственного интеллекта. В данной связи формализация когнитивного потенциала дискурсных мар-

керов разносистемных языков с опорой на концепцию когнитивных доминант представляется существенным теоретико-лингвистическим основанием и обеспечением дальнейшей разработки принципа эвристического анализа дискурсных маркеров в пространстве разнонаправленных дискурсов. Научная новизна исследования заключается в том, что полученные результаты качественно дополняют существующие взгляды на проблему функционирования дискурсных маркеров и предоставляют новые данные для формализации их функционала как когнитивных доминант речевого взаимодействия, что представляет теоретическую и практическую значимость для развития алгоритмических процедур обработки дискурса в части эвристической идентификации дискурсных маркеров в корпусном речевом материале на различных языках мира.

Ключевые слова: дискурс, дискурсный маркер, когниция, когнитивная доминанта, речевое взаимодействие, коммуникация.

Для цитирования: Каменский М. В. Дискурсные маркеры как когнитивные доминанты речевого взаимодействия в разносистемных языках // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 142–149. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.18

Mikhail V. Kamensky

DISCOURSE MARKERS AS COGNITIVE DOMINANTS OF COMMUNICATION IN DIFFERENT LANGUAGE SYSTEMS

The article contains the results of studying the discourse markers as a universal cognitive and functional phenomenon of discourse from the point of view of the theory of cognitive dominants of speech. The attempt is made to analyze discourse markers as a component of the conceptual structure of discourse from the point of view of thematic, subject, sociocultural, instrumental, and intentional principles. The role of discourse markers as cognitive dominants in speech is justified and verified on the basis of the modern corpora of Russian, English, French and Japanese text and speech material which represents different language systems and types of discourse. The topicality of the research is determined by the practical necessity and importance of further development of cognitive studies of discourse markers in directions, which open up the possibility of effective automated identification of discourse markers in different languages through the use of heuristic methods and artificial intelligence technologies. In this regard, the formalization of cognitive potential of

discourse markers belonging to different language systems based on the theory of cognitive dominants is believed to provide a significant theoretical and linguistic basis and new data for the further development of the principle of heuristic analysis of discourse markers in speech belonging to different types of discourse. The scientific significance of the research is determined by the fact that the obtained results provide a qualitatively new approach to the issue of providing a formal description of discourse marker functions as cognitive dominants of speech for the purpose of developing the algorithms of text and discourse processing, and, in particular, the heuristic identification of discourse markers in electronic text corpora in different languages.

Key words: discourse, discourse marker, cognition, cognitive dominant, speech, communication.

For citation: Kamensky M. V. Discourse markers as cognitive dominants of communication in different language systems // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 142–149 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.18

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики предопределяет стабильный интерес исследователей к проблематике дискурсивного взаимодействия, связанной с вопросами влияния социальных, прагматических и когнитивных факторов на язык и речь. В русле означенной доминирующей парадигмы в настоящее время поддерживается интерес научного сообщества к вопросам функционирования в речи дискурсивных маркеров — лексем и их сочетаний с особым статусом, который заключается в их способности управлять пониманием дискурса и функционировать в качестве средств обеспечения дискурсивной когезии и когерентности [3; 10]. В последние годы предпринято немало исследований, направленных на уточнение различных аспектов функционирования дискурсивных маркеров, при этом продолжает наблюдаться терминологическое разнообразие в части именования данного дискурсивного феномена. Так, в фокусе внимания учёных находятся вопросы разграничения дискурсивных маркеров как класса по отношению к другим феноменам языка и речи [2], функционирования дискурсивных маркеров в пространстве определенных типов дискурса [7; 14], а также его устной и письменной форм [12], реализации коннекторной функции дискурсивных маркеров для обеспечения сентенциальной и внутрисемантической когезии [13]. Также не ослабевают интерес исследователей к обсуждению вопроса дефинирования термина «дискурсивный маркер» [20].

В силу того, что дискурсивные маркеры относятся к динамичному и «подвижному» классу речевых единиц, одной из актуальных проблем дискурсологии остается разрешение вопроса об обеспечении возможности автоматизации процесса идентификации дискурсивных маркеров в электронных корпусах текстов. Нами предпринят ряд исследовательских изысканий по линии эвристического поиска дискурсивных маркеров в тексте с применением логического подхода и искусственного интеллекта [4; 6]. Вместе с тем, предложенный подход требует определенного уточнения и расширения в части возможности идентификации дискурсивных маркеров в разносистемных языках, в силу чего целесообразно привлечение дополнительного лингвистического обеспечения, нацеленного на систематизацию и формализацию когнитивно-функционального потенциала дискурсивных маркеров на материале различных языков мира.

Считаем, что дополнительным теоретико-лингвистическим основанием такой формализации и систематизации дискурсивных маркеров разносистемных языков может стать подход к пониманию принципов организации дискурсивной деятельности на основе выделения когнитивных доминант речевого взаимодействия, предложенный Н. Н. Болдыревым и В. С. Григорьевой [1]. В силу

сказанного непосредственной целью настоящего исследования является обобщение и систематизация когнитивно-функционального потенциала дискурсивных маркеров и их социолингвистических параметров в дискурсивном взаимодействии в русле концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия.

Отправной точкой настоящего исследования является, с одной стороны, авторская когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров [3], с другой стороны — теоретическая концепция когнитивных доминант речевого взаимодействия Н. Н. Болдырева и В. С. Григорьевой [1]. Данная теоретическая концепция основана на предположении о том, что «система знаний человека и его взаимодействие с миром и другими людьми подчинены определенным приоритетам, выполняющим функцию когнитивных доминант» [1, с. 15]. При этом авторы концепции указывают, что в качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и категории, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке [1, с. 15], а также сами принципы построения речевого взаимодействия, детерминированные тематической направленностью общения, субъектом речевого взаимодействия, а также рядом социокультурных, интенциональных и языковых факторов [1, с. 16]. Поскольку в современной лингвистике доказана роль дискурсивных маркеров в организации и построении дискурса, а также вариативность их функционирования в дискурсе в зависимости от социолингвистических, прагматических и когнитивных факторов [3; 10], то использование концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия в качестве теоретической основы осмысления представляется валидным и обоснованным.

Дискурсивные маркеры как когнитивно-функциональный феномен речи подвергаются теоретическому осмыслению с позиции пяти предложенных авторами названной концепции принципов, а именно: 1) тематического принципа; 2) субъектного принципа; 3) социокультурного принципа; 4) инструментального принципа; 5) интенционального принципа [1, с. 16].

Подтверждение теоретических построений проводится на актуальном речевом материале на английском, русском, французском и японском языках, основными источниками которого послужили электронные корпуса текстов: 1) *Corpus of Contemporary American English (COCA)* [15]; 2) Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [8]; 3) Параллельный русско-французский корпус Национального корпуса русского языка [9]; 4) Веб-корпус японского языка NINJAL-LWP в рамках проекта Tsukuba Web Corpus [21]. В качестве дополнительных источников эмпирического материала привлечены материалы: 1) словаря японского языка *Jisho* [17]; 2) проекта *Tatoeba*,

представляющего собой многоязычную базу данных предложений и их переводов с возможностью поиска контекстов употребления исследуемых лексических единиц [11]; 3) проекта Linguee, представляющего собой двуязычную франко-английскую базу контекстов с аутентичных франкоязычных веб-ресурсов с открытым доступом [18]. Необходимость привлечения данных ресурсов объясняется их эффективностью в части предоставления данных об употреблении дискурсных маркеров параллельно на нескольких разносистемных языках, находящихся в фокусе исследовательского внимания. В рамках проведенного исследования изучено 130 контекстов функционирования дискурсных маркеров на примере четырех вышеназванных языков.

Ниже изложены результаты принятого теоретического анализа дискурсных маркеров и его эмпирической верификации с позиций пяти принципов, положенных Н. Н. Болдыревым и В. С. Григорьевой в основу концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия [1].

► **1. Тематический принцип.** Как отмечают Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева, концептуальная структура дискурса представлена несколькими областями знаний и организована по тематическому принципу, предполагающему знание участниками коммуникативного взаимодействия темы диалога и предмета общения [1, с. 16]. В данном контексте отметим, что одной из важных дискурсивных функций дискурсных маркеров любого языка является их участие в переключении тематической направленности общения, а именно, обеспечение логической связности перехода к новой теме коммуникации, либо возврата к одной из ранее обсужденных тем [3]. Несмотря на то, что дискурсные маркеры не участвуют непосредственно в номинации концептов, репрезентирующих тематическое оформление текущего сегмента дискурса, они выступают логическими связками, обеспечивающими понимание смены информационного фокуса в дискурсивном взаимодействии и переключение темы разговора.

К дискурсным маркерам такого рода относятся лексемы *now* (англ.яз.), *(a) теперь, utak* (рус.яз.), *maintenant* (франц.яз.), *それでは / sorede-wa* (яп.яз.). Например:

(1) *Le choix n'est pas agréable, mais beaucoup de gens ont été obligés de le faire... Maintenant, parlons un peu des bourreaux... Des bourreaux ordinaires, pas ceux qui étaient terribles...* (Выбор неприятный, но многие должны были его сделать... **А теперь** о палачах... Обыкновенных, не страшных) (Svetlana Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (p 1) (Sophie Benech, 2013)) [9].

(2) *Now, where were we? (Итак, о чем мы говорили?)* [15].

(3) *それでは、天気予報の時間です。 / Soredewa, tenkeyohō no jikan desu (А теперь прогноз погоды)* [11].

Приведенные примеры демонстрируют как обеспечение перехода к новой теме в дискурсивном взаимодействии, так и возврат к ранее обсужденной теме.

► **2. Субъектный принцип.** По Н. Н. Болдыреву и В. С. Григорьевой, субъектный принцип организации речевого взаимодействия раскрывает вариативность дискурса в зависимости от личностных качеств коммуникантов, определяемых рядом социальных и коммуникативно-прагматических факторов, объемом знаний, а также ролью участников коммуникации в дискурсивном взаимодействии [1, с. 18–19]. Результаты коммуникации, тем самым, базируются на личностных ожиданиях коммуникантов и зависят от того, насколько соответствуют друг другу или отличаются их концептуальные системы [1, с. 22].

Выбор дискурсных маркеров в речи, по нашему мнению, выступает одной из форм реализации субъектного принципа, поскольку речевое оформление дискурса в части обеспечения его логики и связности находится в прямой зависимости от личностных качеств коммуникантов и соответствует типу дискурса и коммуникативной ситуации, определяемой, в том числе, и вышеназванными экстралингвистическими факторами.

Так, ярким примером дискурсных маркеров, в большей степени характерных для неинституционального, повседневного межличностного общения, также способных косвенно указывать на недостаточность знаний коммуникантов или же на необходимость дополнительного времени для осмысления высказываний, являются междометные средства паузации (заполнители пауз), такие как ну, это, хмм, мм (рус.яз.), well, hmm, um (англ.яз.), euh, eh (франц.яз.), えーと / êto, あの / ano (яп.яз.). Например:

(4) *And umm, I have something to do today, you know?... (И м-м, у меня есть дела на сегодня, понимаешь?...) [15].*

(5) *Euh... Comment ça marche ? (Э-э... как это работаем?) [11].*

(6) *あの、かりんさん・・・、そろそろお開きにしませんか? / Ano, Karin-san..., sorosoro ohiraki ni shimasen ka? (Эм, Карин-сан... Может, уже хватит на сегодня?) [11].*

(7) 「あなたはたしか・・・えーと、えーと・・・も」「頭文字から間違つとるわい!!」 / *Anata wa tashika... êto, êto... mo kashiramoji kara machigattoru wai! (Ты безусловно... эм, эм... ты с самой первой буквы не прав!)* [11].

В приведенных примерах дискурсные маркеры одновременно выступают показателями неинституционального (разговорного) типа дискурса и указывают на недостаточность имеющейся у коммуниканта информации для спонтанного формирования высказывания.

► **3. Социокультурный принцип.** Согласно концепции Н. Н. Болдырева и В. С. Григорьевой, социокультурный принцип организации речевого

взаимодействия заключается в следовании определенным принятым моделям и стереотипам поведения в соответствии с нормами определенного социума или культуры и является отражением опыта языкового общения, влияющего на его структуру и языковое оформление [1, с. 19]. С этой точки зрения важность представляет понимание участниками коммуникации статусно-ролевых отношений собеседника, что позволяет учесть его социальный статус и использовать языковое оформление дискурса, соответствующее его ожиданиям в условиях институционального (либо, напротив, неинституционального) дискурсивного взаимодействия.

Дискурсивные маркеры, выступающие средством экономии речевых усилий и языковой компрессии, заключают в своем функциональном потенциале способность передачи информации о социокультурных параметрах дискурсивного взаимодействия. Так, использование в качестве вводных или связующих конструкций дискурсивных маркеров следствия или контраста, таких как напротив, вследствие (рус. яз.), *contrariwise*, *as a consequence* (англ.яз.), *d'autre part, par conséquent* (франц. яз.) может служить косвенным индикатором институционального, официально-делового характера общения. Например:

(8) *Contrariwise, I believe that we, as librarians, could be making better use of our tools* (**Напротив, я уверен что мы, как библиотекари, могли бы лучше использовать имеющиеся у нас инструменты**) (Panzer M. DEWEY: how to make it work for you / Knowledge Quest, 2013) [15].

(9) *Je suis occupé, par conséquent je ne peux pas t'y rendre* (**Я занят, как следствие, я не могу туда пойти**) [11].

(10) *Например, чтобы можно было позволить положительным персонажам отнимать только у отрицательных, первые автоматически снабжаются не фигурирующей в сюжете псевдовещью, а антигерои, напротив, получают таковую в качестве цели* (В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004) [8].

Интересным в контексте данного обсуждения является происходящее в настоящее время изменение в форме употребления дискурсивного маркера *like* в США под влиянием социальных трансформаций американского общества. Так, в последние годы (2016–2022 гг.) зафиксирован стабильный рост популярности употребления в пространстве виртуального Интернет-дискурса десемантизированного и деграмматизированного дискурсивного маркера *like* в функции «телесного цитирования», то есть эмоционально нагруженного цитирования с передачей жестов и мимики и имитацией действий цитируемого, в субстандартной, некорректной грамматической форме

«*местоимение + be like*», то есть *he be like, they be like* и т. п., при этом количество зафиксированных поисковых запросов с данным компонентом увеличилось со средней величины 7 ед. в 2004 г. до средней величины 80 ед. в 2022 г. при общей тенденции активного спонтанного роста популярности таких запросов в 2021–2022 гг. по данным Google Trends [16]. Например:

(11) *I walk up to him and he be like: "Wow, did you see that?"* (**Я подхожу к нему и он такой: "Ого, ты это видел?"**) [Из разг. речи].

По нашему мнению, отмеченная динамика характеризует либеральные тенденции в современном американском английском языке, связанные с продолжающейся демократизацией языка, проявлением толерантности и политической корректности, а также с речевым подражанием афроамериканскому населению в части использования характерных для него языковых конструкций, в том числе нарушающих правила грамматики английского языка.

Что касается японского языка, являющегося репрезентатом статусно-ориентированной лингвокультуры, то в нем в качестве дискурсивных маркеров-индикаторов статусно-ролевых отношений коммуникантов могут выступать показатели учтиво-вежливой речи (*敬語 / kēgo*), такие как копула *です / desu*, и их эквиваленты в просторечии (*常体 / jōtai*), такие как копула *だ / da*. Например:

(12) *全く同感です。 / Mattaku dōkan desu* (**Я полностью с Вами согласен**) – учтиво-вежливая речь [11].

(13) *全く君と同感だ。 / Mattaku-kun to dōkan da* (**Я полностью с тобой согласен**) – просторечие [11].

Для неинституционального общения на японском языке также характерны заключительные частицы, добавляемые в конец предложения и выражающие чувства и эмоции говорящего. Так, использование в повседневной речи заключительных частиц *ぞ / zo*, *ぜ / ze* придает речи эмоциональность и при этом служит как гендерным маркером (показателем мужской речи), так и функциональным показателем предостережения, предупреждения или угрозы. Например:

(14) *あぶないぜ! / Abunai ze!* (**Берегись!**) [11].

(15) *風邪をひくぞ! / Kaze wo hiku zo!* (**Осторожно, простудишься!**) [11].

► **4. Инструментальный принцип.** Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева определяют инструментальный принцип организации речевого взаимодействия как связанный с использованием определенных речевых стратегий и тактик и соответствующего им языкового оформления высказываний для достижения поставленных коммуникативных целей [1, с. 20].

Предпринятые ранее когнитивно-функциональные исследования дискурсивных маркеров позволили установить важность иллокутивной составляющей в реализации их дискурсивных

функций и обосновать имманентность параметрической триады «дискурсивная функция — иллюкутивный потенциал — когнитивная нагрузка» для всех лексических единиц, обладающих статусом дискурсивного маркера [3; 4; 6].

В данной связи отметим, что дискурсивные маркеры выступают важными сопутствующими компонентами реализации прагматических установок коммуникантов. Они участвуют в языковом оформлении высказываний в рамках использования определенных речевых стратегий и тактик и способны управлять тональностью общения и ее целевой ориентированностью на достижение интенций коммуникантов. Продемонстрируем сказанное на примерах.

(16) *I understand that you needed some rest, but shouldn't you, like... get down to business already? (Я понимаю, что тебе был необходим отдых, но не стоит ли тебе... как бы... взяться уже за работу?)* [Из разг. речи].

В данном примере дискурсивный маркер *like* / *как бы* используется с целью смягчения высказывания и сообщения рекомендации коммуниканта в более мягкой, но настоятельной форме.

(17) *Et en même temps, elle devra renforcer son action au niveau des pays (И в то же время, это должно усилить её действие на уровне страны) [речь об организации ЮНЕСКО — прим. автора]* (Discours de M. Koïchiro Matsuura, Directeur général de l'UNESCO, à l'occasion de la réunion avec le personnel; UNESCO, 11 décembre 2008) [18].

В приведенном примере дискурсивный маркер *et en même temps* / и в то же время, использованный в качестве вводного словосочетания, функционирует в качестве информационного фокуса высказывания и позволяет акцентировать внимание реципиента на дополнительной информации, вводимой в дискурсивный контекст.

(18) どうも、お元気ですか？ / *Dōmo, o genki desu ka?* (Здравствуйте. Как у Вас дела?) [11].

В данном примере префикс *お* / *о*, а также копула *です* / *desu* и заключительная частица *か* / *ka*, выступающие показателями учтиво-вежливой речи, обладают функциональным статусом дискурсивных маркеров. Их иллюкутивный потенциал состоит в обеспечении эффективного установления контакта с собеседником и речевом проявлении уважения к нему, что положительно сказывается на расположении коммуниканта к конструктивному дискурсивному взаимодействию.

► **5. Интенциональный принцип.** Интенциональный принцип организации речевого взаимодействия состоит в реализации коммуникативных интенций говорящего и, как следствие, в оказании определенного воздействия на адресата речевого сообщения [1, с. 21]. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева отмечают, что все типы говоре-

ния с точки зрения их интенциональности сводятся, по сути, к четырем обобщающим намерениям: 1) проинформировать адресанта о чем-либо или ком-либо; 2) воздействовать на него с целью принуждения к совершению определенного речевого или неречевого действия; 3) выразить свое эмоциональное состояние или отношение к нему или к сообщаемому; 4) установить, поддержать или завершить коммуникацию [1, с. 21].

Такое определение интенционального принципа акцентирует внимание на достижении намерений коммуникантов, то есть на создании желаемого перлокутивного эффекта, зависящего от выбора определенных языковых конструкций. Рассматривая дискурсивные маркеры в данном контексте и учитывая их иллюкутивный потенциал, рассмотренный нами ранее при обсуждении инструментального принципа, необходимо отметить следующее. Дискурсивные маркеры, реализующие определенную иллюкутивную цель в дискурсе, характеризуются когнитивной нагрузкой, заключающейся в специфическом перлокутивном эффекте от восприятия дискурсивного маркера, состоящем в изменении когнитивного фона собеседника и его представлений о разворачивании дискурса [3]. Данный перлокутивный эффект проявляется в определенном контролируемом управлении поведением собеседника, склонении его к определенной точке зрения или к совершению определенных действий в соответствии с установкой адресанта речевого сообщения, а также в изменении когнитивного фона собеседника в плане понимания логики дискурса, объема знаний адресанта высказывания и степени его осведомленности о сообщаемом.

Поскольку реализация когнитивной нагрузки дискурсивных маркеров напрямую связана с их иллюкутивным потенциалом и зависит от дискурсивной функции, в которой тот или иной дискурсивный маркер употреблен, считаем целесообразным рассмотреть приведенные выше примеры 16–18 в контексте достигаемого ими перлокутивного эффекта.

В примере (16) английский дискурсивный маркер *like* и параллельный русскоязычный дискурсивный маркер *как бы* в переводе примера реализуют когнитивную нагрузку, связанную с созданием у реципиента ментального представления о том, что информация, предваряемая дискурсивным маркером, является потенциально неудобной или нежелательной для него, однако адресант в мягкой, но настоятельной форме предлагает адресату принять ее к сведению. Тем самым, через смягченную форму подачи информации реализуется аргументативная функция коммуникации и обеспечивается склонение собеседника к совершению требуемого действия, обозначенного в следующем за дискурсивным маркером речевом сегменте.

В примере (17) французский дискурсный маркер *et en même temps* и его русский эквивалент *и в то же время* реализуют когнитивную нагрузку, связанную с обеспечением ментального обнаружения реципиентом речевого сообщения определенных недоговоренностей или недостатков в ранее эксплицированной информации, требующих дополнительного пояснения, вводимого дискурсным маркером. В данном примере реализуется информационная функция коммуникации, при этом дискурсный маркер обеспечивает правильное понимание логической взаимосвязи вводимого высказывания по отношению к ранее эксплицированной информации.

В примере (18) когнитивная нагрузка японских показателей вежливо-учтливой речи *お / 〇, です / desu* и *か / ka* как дискурсных маркеров заключается в перлокутивном эффекте, связанном с созданием ментального представления реципиента об уважительном отношении адресанта речевого сообщения и о его настроенности на вежливую, учтливую и конструктивную коммуникацию. Данное речевое воздействие положительно влияет на готовность собеседника к коммуникации, нацеливает его на конструктивный диалог в условиях взаимного уважения.

Обобщение полученных результатов и их интерпретация с точки зрения концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия, верифицированная на материале английского, русского, французского и японского языков как разносистемных, позволяет сделать следующие выводы.

1. С точки зрения тематического принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры представляют собой средство обеспечения логической связи между тематическими блоками дискурса, формирующее когнитивные представления участников коммуникации о переходе к новой теме разговора или о возврате к одной из предыдущих тем. В рамках одной темы дискурсные маркеры выступают средством обеспечения связности дискурса.
2. С позиции субъектного принципа организации речевого взаимодействия выбор дискурсных маркеров в речи определяется рядом микросоциальных, лингвопрагматических и когнитивных факторов, характеризующих дискурсивную личность (пол, возраст, социальный статус, ментальное состояние, целевые установки), а также объемом знаний данной личности.
3. При реализации социокультурного принципа организации речевого взаимодействия основным социолингвистическим фактором выбора дискурсных маркеров в речи выступает тип дискурса. Характер дискурсных

маркеров, используемых в неинституциональном повседневном общении, существенно отличается от дискурсных маркеров в институциональных формах коммуникации. Данный показатель является одним из ярких наблюдаемых отличий в организации дискурса в зависимости от статусно-ролевых отношений участников коммуникации и, как следствие, личностного либо статусного характера речевого взаимодействия. Помимо типа дискурса выбор и использование дискурсных маркеров в речи может определяться, в зависимости от лингвокультуры и коммуникативной ситуации, и другими социальными факторами, в том числе гендерным фактором, а также различием в социальном статусе и социальных ролях коммуникантов.

4. С точки зрения инструментального принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры характеризуются специфическим иллокутивным потенциалом, позволяющим управлять тональностью общения и ее целевой ориентированностью на достижение определенных прагматических установок участников дискурсивного взаимодействия.
5. В рамках реализации интенционального принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры обладают специфической когнитивной нагрузкой, заключающейся в обеспечении перлокутивного эффекта от восприятия дискурсного маркера и вводимого или завершаемого им высказывания. Данный эффект состоит в изменении когнитивного фона собеседника и его представлений о развертывании дискурса, что заключается в создании ментального представления реципиента речевого сообщения о состоянии коммуниканта или его эмоциональном отношении к собеседнику, о необходимости установления контакта или завершения разговора, об аргументации собеседника касательно его точки зрения или необходимости совершения определенных действий.

Вышесказанное позволяет нам заключить, что дискурсные маркеры выступают универсальной когнитивной доминантой речевого взаимодействия и проявляют схожие черты в разносистемных языках. Как следствие, их функциональный потенциал может быть формализован на заявленных теоретико-лингвистических основаниях и в существенной степени унифицирован для целей и задач построения эвристических систем идентификации дискурсных маркеров в текстовом материале на различных языках мира.

Литература

1. Болдырев Н. Н., Григорьева, В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
2. Иванов В. Д. К вопросу о разграничении финальных частиц и дискурсивных маркеров в немецком языке / В. Д. Иванов // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы IX Региональной научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 24 сентября 2021 года. М: Московский государственный областной университет, 2022. С. 23–27.
3. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Майкоп, 2015. 22 с.
4. Каменский М. В. Эвристический подход к расширению когнитивной классификации дискурсивных маркеров английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4(57). С. 143–150.
5. Каменский М. В. Постулаты позднего Л. Витгенштейна в когнитивно-функциональном исследовании дискурсивных маркеров: реконструкция и интерпретация // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 89–98.
6. Каменский М. В. Дискурсивные маркеры в трансдисциплинарном освещении: от философии языка Л. Витгенштейна к когнитивной лингвистике и искусственному интеллекту: монография. Ставрополь: СКФУ, 2022. 133 с.
7. Кононова И. В. Маркеры военного дискурса в англоязычном эпическом фэнтези / И. В. Кононова, Е. С. Дьяконова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. № 3(53). С. 71–80.
8. Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 15.09.2022).
9. Параллельный корпус (французский) URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=fra> (Дата обращения: 16.09.2022).
10. Правикова Л. В. Дискурсивные маркеры: современное состояние проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 4. С. 22–34.
11. Проект Tatoeba: коллекция предложений и переводов URL: <https://tatoeba.org> (Дата обращения: 16.09.2022).
12. Устова М. А. Некоторые когерентные особенности устного и письменного дискурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 11-2. С. 79–83.
13. Устова М.А. Внутрисемантические и междусентенциальные средства когезии (коннекторы) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 2. С. 175–179.
14. Чжан Л. Дискурсивные средства выражения речевой агрессии в российских и китайских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 141–145.
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Дата обращения: 16.09.2022).
16. Google Trends: They be like URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=US&q=they%20be%20like> (Дата обращения: 16.09.2022).
17. Jisho.org: Japanese Dictionary URL: <https://jisho.org> (Дата обращения: 16.09.2022).
18. Linguee: Traduction anglaise URL: <https://linguee.fr> (Дата обращения: 16.09.2022).
19. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Дата обращения: 14.09.2022).
20. Smanova G.I. The notion of a discourse marker / G. I. Smanova, G. Sailau // Образование и наука в России и за рубежом. 2022. No 2(90). P. 174–176.
21. Tsukuba Web Corpus: トップ / NINJAL-LWP for TWC. URL: <https://tsukubawebcorpus.jp/> (Дата обращения: 16.09.2022).

References

1. Boldyrev N. N., Grigor'eva, V. S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeistviya (Cognitive dominants of speech interaction) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 4. P. 15–24. (In Russian).
2. Ivanov V.D. K voprosu o razgranichenii final'nykh chastits i diskursivnykh markerov v nemetskom yazyke (On distinguishing the functional particles and discourse markers in German language) / V. D. Ivanov // Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki: Materialy IX Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), Moskva, 24 sentyabrya 2021 goda. – Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2022. P. 23–27. (In Russian).
3. Kamenskii M.V. Kognitivno-funktsional'naya model' diskursnykh markerov (Cognitive-functional model of discourse markers): abstract of thesis. Maikop, 2015. 22 p. (In Russian).
4. Kamenskii M.V. Evristicheskii podkhod k rasshireniyu kognitivnoi klassifikatsii diskursnykh markerov angliiskogo yazyka (A heuristic approach to extending the cognitive classification of English discourse markers) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 4(57). P. 143–150. (In Russian).
5. Kamenskii M. V. Postulaty pozdnego L. Vitgenshteina v kognitivno-funktsional'nom issledovanii diskursnykh markerov: rekonstruktsiya i interpretatsiya (Postulates of the later L. Wittgenstein in cognitive-functional study of discourse markers: reconstruction and interpretation) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2021. No. 2. P. 89–98. (In Russian).
6. Kamenskii M. V. Diskursnye markery v transdistsiplinarnom osveshchenii: ot filosofii yazyka L. Vitgenshteina k kognitivnoi lingvistike i iskusstvennomu intellektu (Discourse markers in transdisciplinary perspective: from L. Wittgenstein's philosophy of language to cognitive linguistics and artificial intelligence): monograph. Stavropol': SKFU, 2022. 133 p. (In Russian).
7. Kononova I.V. Markery voennogo diskursa v angloyazychnom epicheskom fentezi (Markers of military discourse in English epic fantasy) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2016. No. 3(53). P. 71–80. (In Russian).
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (National Corpus of the Russian Language) URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 15.09.2022). (In Russian).
9. Parallel'nyi korpus (frantsuzskii) (Parallel Corpus (French)) URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=fra> (Accessed: 16.09.2022). (In Russian).

10. Pravikova L. V. Diskursnye markery: sovremennoe sostoyanie problemy (Discourse markers: the contemporary state of the problem) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2000. No. 4. P. 22–34. (In Russian).
11. Proekt Tatoeba: kolleksiya predlozhenii i perevodov (Project Tatoeba: Collection of sentences and translations) URL: <https://tatoeba.org> (Accessed: 16.09.2022). (In Russian).
12. Ustova M. A. Nekotorye kogerentnye osobennosti ustnogo i pis'mennogo diskursa (Several coherence peculiarities of spoken and written discourse) // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. No. 11–2. P. 79–83. (In Russian).
13. Ustova M. A. Vnutrisemanticheskie i mezhdusententsial'nye sredstva kogezi (konnektoory) (Intersemantic and intersentential means of cohesion (connectors)) // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. No. 2. P. 175–179. (In Russian).
14. Chzhan L. Diskursivnye sredstva vyrazheniya rechevoi agressii v rossiiskikh i kitaiskikh SMI (Discursive means of expressing speech aggression in Russian and Chinese mass media // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 141–145. (In Russian).
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 16.09.2022).
16. Google Trends: They be like URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=US&q=they%20be%20like> (Accessed: 16.09.2022).
17. Jisho.org: Japanese Dictionary URL: <https://jisho.org> (Accessed: 16.09.2022).
18. Linguee: Traduction anglaise URL: <https://linguee.fr> (Accessed: 16.09.2022).
19. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Accessed: 14.09.2022).
20. Smanova G. I. The notion of a discourse marker // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom. 2022. No. 2(90). P. 174–176.
21. Tsukuba Web Corpus: トップ / NINJAL-LWP for TWC URL: <https://tsukubawebcorpus.jp/> (Accessed: 16.09.2022).

Сведения об авторе

Каменский Михаил Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета / mkamenskii@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Mikhail V. Kamensky – D.Sc. in Philology, Professor, Chair of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University / mkamenskii@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.